



шортца

¹ International
Political Science
Association – IPSA.

Ю.В.Ирхин

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ В ЯПОНИИ «РАБОТАЕТ ЛИ ДЕМОКРАТИЯ?»

Ведущей международной организацией политологов вот уже около шестидесяти лет выступает Международная ассоциация политических наук (МАПН), созданная по решению ЮНЕСКО в 1949 г. в г. Париже¹. Формирование МАПН явилось принципиальным этапом в генезисе политологии – она стала развиваться как признанная и поддерживаемая мировым сообществом наука. МАПН сыграла и продолжает играть важную роль в академическом конституировании и развитии всей системы политических наук, в организации политологических исследований, поддержке национальных ассоциаций политологов, расширении их сотрудничества.

Ныне Международная ассоциация политической науки объединяет более тысячи двухсот индивидуальных членов, 110 ассоциированных членов (политологические кафедры ведущих университетов мира) и 45 национальных политологических ассоциаций, включая Российскую ассоциацию политической науки (РАПН).

Члены МАПН получают ведущий теоретический журнал этой организации – «International Political Science Review» (выходит ежеквартально в Лондоне в Sage Publications), информационный бюллетень «Participation. Bulletin of the International Political Science Association» и др.

Важную роль в институализации научно-исследовательской деятельности МАПН играют постоянные международные исследовательские комитеты по актуальным проблемам политической науки.

В постоянных комитетах рассматриваются почти все «классические направления» политической науки: методология, власть, политическая философия, политическая социология, политическая психология, государственное управление, компаративистика и т. д. В них представлены современная и междисциплинарная проблематика: политика и бизнес, гендерный фактор в политике, технологии и общественное развитие, вопросы мировой политики, глобалистики, международных отношений.

Руководство комитетов обычно базируется в известных университетах или центрах. Например, комитет № 2 (Политические элиты) находится в Национальном центре научных исследований в Париже, его руководителем является известный исследователь М.Доган; № 4 (Бю-

рократия в развивающихся странах) – в Университете Дели (Р.В.Джайн); № 6 (Политическая социология) – в Университете Сан-Франциско (К.Лоусон) и т. д.

Большинство членов МАПН традиционно представляют экономически развитые страны. Однако за последние годы в ее составе увеличилось число политологов из ряда быстро развивающихся регионов Азии и Латинской Америки. Президентом Международной ассоциации политической науки на рубеже XXI века (2000–2003 гг.) впервые был избран представитель Азии – профессор-политолог из Республики Корея Ким Далчунг. На период 2006–2009 гг. высшим руководителем МАПН также впервые в ее истории избрана женщина – известный бразильский политолог Лурдес Сола.

Всемирные Конгрессы Международной ассоциации политической науки проводятся раз в три года. Каждый конгресс МАПН имеет свое собственное название, являющееся одновременно и его главной темой. Так, Сеульский конгресс (1997 г.) прошел под девизом «Конфликт и порядок», Квебекский (2000 г.) – «Мировой капитализм, управление и сообщество: к корпоративному миллениуму?», Дурбанский (2003 г.) – «Демократия, толерантность, справедливость: вызовы для политических изменений», Фукуокский (2006 г.) – «Работает ли демократия?».

XX Всемирный Конгресс Международной ассоциации политической науки состоялся в период с 9 по 13 июля 2006 г. в самом южном японском городе-порте Фукуока. Место проведения конгресса было «предопределено» комплексом причин. Так, политологические конгрессы никогда прежде не проводились в Японии. Несомненный политологический интерес представляет собой и опыт этой страны, удачно синтезировавшей западный и восточный опыт развития. Учитывалась и роль авторитетной Японской ассоциации политической науки (ЯАПН).

Главная тема конгресса – «Работает ли демократия?», вызвала значительный научный и политический интерес. По своему составу конгресс явился самым представительным за всю историю организации. В его работе приняли участие более двух тыс. политологов из 110 стран. Они представляли 45 национальных ассоциаций политической науки, все 48 ее исследовательских комитетов, другие организации.

К сожалению, из-за членства в МАПН представителей Республики Китай (Тайвань), не признаваемой Пекином, в работе организации не принимала участие ассоциация политологов КНР.

Программная тематика XX Конгресса официально подразделялась на шесть теоретических направлений: «Кризис и возможности демократии – национальные и международные перспективы»; «Демократия и новый мировой порядок»; «Институциональная легитимация, представление интересов и демократическая практика»; «Участие граждан, ценности и идентичность – демократическое включение и исключение»; «Публичные политики, бюрократия и качество демократии»; «Теория, знание и умение совершенствования демократий».

Проблематика конгресса была обсуждена более чем на пятистах заседаниях 5 видов различных секций: пленарных, тематических, исследовательских комитетов, специальных, «японских».

Самыми представительными по составу являлись пленарные заседания – в двух главных, самых вместительных залах конгресс-центра. Среди них – пленарная Президентская сессия, на которой выступил с аналитическим докладом об изменениях в политическом действии Президент МАПН М.Каазе. В рамках пленарных слушаний состоялись также выступления: по проблемам устойчивого развития – Х.Видара (Швеция), транзитологии – И.Смиты (Индонезия, Центр электоральных реформ), демократической рефлексии – Т.Лови (США, Корнельский ун-т), кризисе и содержании демократии – г-жи С.Огато (Президент Японского международного агентства).

Рассмотрение основных теоретических направлений конгресса было организовано в рамках шести главных тематических сессий (Main Theme Session). Так, например, в рамках первой сессии «Кризис и возможности демократии» были проведены подсекции: «Состояние демократии», «Качество демократии», «Сравнивая местную демократию» и др. На них выступили известные зарубежные и российские политологи (М.О'Доннелл, Г.Милнер, Ив.Шимейл, Л.В.Сморгунов, В.В.Смирнов, М.В.Ильин и др.). Работа тематических секций привлекла большое количество участников и наблюдателей, состоялось 51 заседание. В соответствии с программой конгресса, после шести тематических сессий следовала специальная седьмая. В ее рамках были обсуждены проблемы «электронных аспектов политики»: участия, управления, прямой демократии и пр. (М.Кализе, М.Фортуonato, Дж.Хейне и др).

Большое количество докладов было обсуждено в рамках 49 сессий действующих исследовательских комитетов МАПН. Всего состоялось 150 заседаний сессий исследовательских комитетов, кроме того, 29 сессий были организованы Японской ассоциацией политической науки («Японские сессии»). Темы сессии исследовательских комитетов МАПН совпадали с названиями самих комитетов:

№ 1. «Концепции и методы политической науки»; № 2. «Политические элиты»; № 3. «Европейская унификация»; № 4. «Бюрократия в развивающихся странах»; № 5. «Сравнительные исследования местного управления и политики»; № 6. «Политическая социология»; № 7. «Женщины, политика и развивающиеся нации»; № 8. «Специалисты по законодательству»; № 9. «Сравнительный анализ правовых систем»; № 11. «Наука и политика»; № 12. «Биология и политика»; № 13. «Демократизация в сравнительной перспективе» № 14. «Политика и этнос»; № 15. «Политическая география»; № 16. «Социально-политический плюрализм»; № 17. «Глобализация и управление»; № 18. «Азиатские и Тихоокеанские исследования»; № 19. «Гендерный фактор политики»; № 20. «Политическое финансирование и коррупция»; № 21. «Политическая социализация и образование»; № 22. «Политическая коммуника-

ция»; № 24. «Армия и общество»; № 25. «Сравнительная политика здравоохранения»; № 26. «Права человека»; № 27. «Структура и организация правительства»; № 28. «Сравнительный федерализм»; № 29. «Психополитика»; № 31. «Политическая философия»; № 32. «Общественная политика и администрация»; № 33. «Политическая наука как дисциплина»; № 34. «Сравнительный анализ представительства и электоральных систем»; № 35 «Технология и развитие»; № 36. «Политическая власть»; № 37. «Переосмысливая политическое развитие»; № 38. «Политика и бизнес»; № 39. «Государство всеобщего благосостояния и развивающиеся страны»; № 40. «Новый мировой порядок?»; № 41. «Геополитика»; № 42. «Системная интеграция разделенных наций»; № 43. «Религия и политика»; № 44. «Военное правление и демократизация «третьего мира»»; № 45. «Качественная международная политика»; № 46. «Глобальные экологические изменения»; № 47. «Локально-глобальные отношения»; № 48. «Административная культура»; № 49. «Социализм, капитализм, демократия»; № 50. «Язык и политика»; № 51; «Политические исследования Сев. Африки»; № 52. «Гендер, глобализация и демократия».

Работа большинства сессий строилась по следующему алгоритму: вступительное слово координатора и председателя, выступления докладчика (докладчиков), вопросы-ответы, прения с официальным, заранее обозначенным дискусантом (обычно из другой страны), общее обсуждение. Такой дизайн сессий обеспечивал плюралистическое обсуждение заявленной проблематики. «Сжатый график» создавал известные неудобства: в тех случаях, когда параллельно шли заседания нескольких комитетов, то физически можно было участвовать лишь в одном.

Концептуальные подходы к демократии

Ряд важных концептуальных проблем демократического развития был рассмотрен на Пленарной президентской сессии в упоминавшемся развернутом выступлении М.Каазе о современном политическом действии и его трансформациях. Доклад также содержал многие авторские рассуждения о современных демократиях, представленные в его статье «Роль Европы в международных отношениях и демократический вызов», опубликованной к конгрессу и распространенной среди участников².

В своем выступлении М.Каазе заметил, что вопрос «Работает ли демократия?» побуждает к проверке утвердившихся представлений о превосходстве демократии. Еще двадцать лет назад мало у кого на Западе возникали сомнения в превосходстве плюралистической демократии западного типа, опирающейся на правовое государство, рыночную экономику и welfare state. Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе воспринималось как свидетельство того, что эта точка зрения начинает разделяться повсеместно. Однако этот вывод, по словам Каазе, оказался чрезмерно поспешным. С одной стороны, с исчезновением «легкого» оппонента в лице коммунистических систем вни-

² Kaase, M. *Political Action and Beyond. XXth World Congress of IPSA. Fukuoka, Japan, 2006*; Kaase, M. *The Role of Europe in International Affairs and the Democratic Challenge / Participation. № 1, 2006.*

мание политологов и общественности в большей мере сосредоточилось на внутренней организации демократий и протекающих в них политических процессах со всеми их недостатками и проблемами. С другой стороны, рост терроризма пошатнул уверенность в эффективности ненасильственных способов разрешения конфликтов. Универсалистские ценности открытого общества, — не без помощи современных средств электронной коммуникации, все активнее оспариваются обществами, не разделяющими эти ценности. Весьма остро стоит проблема адекватного ответа современных демократий на новые вызовы — «революцию участия», демографические перемены, «упадок» нации-государства, изменения ценностных основ современных политических организаций, угрозы международного терроризма и др., а также определения пределов «европоцентричного» понимания демократии и пути ее консолидации и развития.

М.Каазе, также как и большинство участников конгресса, выступавших на других сессиях, отдал должное значимости общепринятых «классических» принципов демократии, либерально-демократических концепций, теории демократических воли (С.Хантингтон и др.). При этом он обратил внимание на то, что современные демократии имеют существенные различия. Отличия демократий видны при их сравнении по тем или иным странам; по этапам (индустриальное или постиндустриальное развитие); по времени («старые» и «новые» демократии); по содержанию политических институтов; по проблемам и особенностям их решения, наконец, по способностям демократий приспособляться к насущным вызовам времени. Докладчик объяснил кризис демократических теорий в конце XX в. тем, что во многих обществах произошли системные изменения, требующие дополнительного анализа и уточнения теории и методологии исследований.

М.Каазе, используя теоретические наработки известных политологов: Р.Инглхарта, А.Лейпхарта, Ф.Шмиттера, Р.Даля, Р.Далтона и др., выделил ряд факторов, влияющих на демократическое развитие в XXI веке и трансформирующих его. Среди них — ускоряющаяся глобализация и ее воздействие на мир политики, европейская интеграция, кросс-культурная миграция, демографические тренды, технологические изменения и быстрые экономические трансформации, появление новых ценностей (в т. ч. постмодерна), сильный эффект медиализации (СМИ, интернета), падение значения социального капитала.

В результате этого, по мнению М.Каазе, в демократических странах происходят изменения в политическом действии. Во-первых, снижается значение собственно партийной идентификации электората; во-вторых, в результате повышения образовательного уровня граждан, изменения культурных ценностей растут массовые общественные движения, активизируются действия разнообразных групп, с которыми правительства все больше вынуждены считаться (как с факторами «внешнего компетентного и демократического воздействия»); в третьих, повышается роль коммун, местного самоуправления, локальных

инициатив и др.; в четвертых, увеличивается влияние групп давления как вне, так и внутри парламентской системы; в пятых, существует проблема принятия оптимальных политических решений на всех уровнях, ответственности за их реализацию и результаты, возможности отмены, в случае необходимости. Определенное разочарование автора вызывает тенденция к приоритету тактических программ преобразований над стратегическими, долговременными. Он с известным скептицизмом оценил формирование правящей коалиции в Германии в 2005 г., состоящей из партий разной политической ориентации..

М.Каазе справедливо заметил, что большинство ученых подвергает критике не столько саму демократию, как феномен, сколько ее определенные неэффективные институты, структуры, лиц, принимающих решения, эрозию ценностей и т. п. Применительно к западноевропейским странам М.Каазе отметил следующие острые проблемы: старение население, рост безработицы, падение роли профсоюзов, снижение уровня благосостояния (и как следствие сжатие «шагреновой кожи» среднего класса), возрастание количества исламского населения и террористических угроз. Он показал, что с одной стороны, Евросоюз, объединяющий 25 государств с населением 450 млн человек, стал крупнейшим коллективным демократическим образованием, но с другой, в ЕС существуют острые проблемы, которые могут повлиять не только на изменение его дизайна, но и дальнейшее развитие демократии. Среди них опасность «обеднения» и исламизации Европы, в случае вступления в ЕС, например, 70-миллионной исламской Турции, бюрократизации наднациональных структур.

В завершающей части своего доклада М.Каазе предложил программу из ряда положений, направленных на стабилизацию и укрепление современных демократий. Среди них: повышение роли универсального гражданства; расширение политического образования для более глубокого понимания гражданами роли их политического участия; дискреционное (разумное, ответственное) голосование; специализированные электоральные советы; доступные консультационные центры; разделение мандатов (вслед за разделением властей); создание ассамблей граждан; внутрипартийная демократизация; референдумы и инициативы; ваучеры – открытые и подотчетные документы для финансирования политических партий; ваучеры для создания организаций гражданского общества; развитие гражданских служб; участие граждан в обсуждении бюджетов и др.

Анализу теоретико-методологических аспектов изучения современной демократии был посвящен развернутый доклад директора Центра управления Университета Оттавы Д.Трента «Демократия и реформа международных институтов». Известный канадский политолог обратил внимание на непропорциональность сведения демократии к выборам по принципу – «если вы имеете выборы, то имеете и демократию». Вслед за Р.Далем, Д.Трент замечает, что степень и качество выражения правительством приоритетов (интересов) граждан зависит, прежде всего, от

ряда базовых институционально-правовых факторов. Однако для комплексного понимания демократии этого недостаточно; их целесообразно дополнить, в частности, такой важной характеристикой, как культура демократии и др. Д.Трент формулирует «новые критерии для определения современной демократии»:

- 1) Значимые и интенсивные соревнования (конкуренция) между индивидами и организованными группами (особенно политическими партиями) по всем важным позициям государственной власти.
- 2) Высокий уровень политического участия в селекции лидеров и политических курсов посредством регулярных и справедливых выборов, с вовлечением всех основных социальных групп без исключения.
- 3) Уровень гражданских и политических свобод – взглядов, мнений, прессы, создания организаций и т. д.
- 4) Высоко плюралистическое общество (не только с разделением и балансами власти в государстве), но и с диверсифицированной социально-экономической и групповой структурой, соответствующим гражданским обществом. Адекватная дисперсия власти, основанная на значимой степени автономии элит (друг от друга и от государственной элиты) и в их раздельном контроле над разными властными ресурсами.
- 5) Ограничение уровня социально-экономического неравенства, ведущего к дифференциации доходов и власти между богатейшими и беднейшими категориями населения.
- 6) Соответствующая плюралистическая культура демократии, определенный консенсус в понимании людьми правил участия в политике.

Применительно к проблемам демократизации международного сообщества, Д.Трент возлагает особые надежды на возрастание роли негосударственных организаций и общественных движений, как элементов формирующегося мирового гражданского общества; демократизацию ООН; создание новых глобальных институтов; многополярный мир, основанный на гуманных ценностях: совместное разрешение стоящих перед народами острых проблем.

Доклад «Работает ли демократическая теория?» представил директор Института Политологии Университета Бразилии, проф. Т.Р.Грот. Он полагает, что в основе политической теории лежит своеобразный «концептуальный Бермудский треугольник» – взаимосвязанные аспекты дисциплины: справедливость, государство и демократия. Попытка выделить одну из них неизбежно ведет к ее рассмотрению в имманентной связи с остальными. Что же касается, собственно, демократии, то в докладе рассматривались три основных направления в демократической теории.

Современная либеральная модель демократии предполагает, по мнению Грота, использование преимуществ демократических процедур, преобразование демократически принимаемых решений в строго

исполняемые, пассивную легислатуру, независимую профессиональную гражданскую службу. В постиндустриальном обществе демократия, как считает бразильский политолог, во многом становится вопросом процедурной (технической) компетенции политических элит, компетентности партий и политически недостаточно просвещенного электората.

В докладе Т.Грота рассмотрен также вопрос о «пассивном» и «активном» государстве. Первое – следствие либеральной традиции ограничения правительства («минималистское государство»). Одним из его вариантов является теория «свободного рыночного консерватизма» (Хайек, Нозик, Фридман). Неолиберализм пытается использовать эти подходы для их реализации в условиях глобализации, что часто ведет к негативным последствиям как для государств, так и всей системы международных отношений. Концепция «активного государства» была широко использована во времена Нового курса Президента США Ф.Д.Рузвельта, в ряде государств после Второй мировой войны. В соответствии с этой традицией государство рассматривается как механизм для сохранения и гуманизации капиталистической экономики, повышения общего благосостояния, как лучшее средство для ограничения злоупотреблений в рыночной системе, защиты частной собственности и индивидуальных свобод. Крайними выражениями этой концепции выступают корпоративизм, авторитаризм, тоталитаризм.

Т.Грот обращает особое внимание на то, что в современных концепциях демократии особое значение приобретают ответы на связанные вопросы – о качественном состоянии политического сообщества («что»); о том, чьим агентом является государство («кто»); о характеристиках демократического процесса и действий («как»). Научное понимание демократии предполагает ее рассмотрение в неразрывной связи с понятиями социальной справедливости, субстанциальных условий равноправия, соответствующей государственности и достигнутого результата как следствия этого сложного процесса.

Доклад «Продвижение демократии: вызов создания гражданского общества» был представлен исследователем из Университета Новый Южный Уэльс (Австралия) Д.В.Лоуэллом. В нем была высказана мысль о том, что демократия в современных условиях во многих случаях рассматривается как единственно легитимная форма правления. При этом автор ссылается на «Варшавскую декларацию к сообществу демократий», излагающую общие принципы и обязательства Сообщества, включая защиту прав, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека. (Документ подписан в Варшаве 27 июля 2000 г. министрами и представителями более 100 стран.) В Декларации подчеркнута важность поддержки гражданского общества с его свободными и честными выборами, беспристрастной и независимой судебной системой, прозрачностью и подотчетностью правительств, подотчетностью властей перед гражданами и др. Д.В. Лоуэлл замечает, что в ней провозглашены «универсальные демократические ценности». В докладе показы-

вается глубокая связь между демократией и гражданским обществом, уровнем его развития и культурой, роль международных негосударственных организаций в поддержке гражданского общества в различных странах.

Вопрос о распространении демократии является достаточно проблемным. С одной стороны, наблюдается процесс ее географического расширения. Так, по информации NGO Freedom House, если в 1972 г. только 44 государства объявляли себя демократическими, то ныне их число возросло до 119. Однако далеко не все из них достигли стадии хотя бы «консолидированной демократии», являясь нередко гибридными плюралистическими электоральными политиями, «дефектными» (В.Меркель), или «делегативными демократиями» (Г.О'Доннел), в которых нарушаются права человека, законы и т. д. Существуют также государства с авторитарными режимами, где проявляются демократические тенденции развития. Соответственно возникают вопросы о пределах воздействия со стороны «развитых» или иных «демократий» на другие государства под предлогом их «демократизации» и особенно «поддержке» гражданского общества со стороны неправительственных организаций. Если отношения между государствами достаточно хорошо регулируются международным правом, то развитие связей между организациями гражданского общества и зарубежными общественными структурами далеко не везде имеет развитую правовую основу. Так, многие западные неправительственные организации имеют массу дочерних филиалов в целом ряде государств Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы и часто финансируют их общественно-политические организации, что никак нельзя признать нормальным. В докладе Д. Лоуэлла приводится в этой связи ряд доказательных цифр, цитируется ряд источников. США, например, в 90-е гг. выделяли 1/3 всей помощи в поддержку демократий, именно по линии гражданского общества³.

³ Ottawa M., Chung T. *Toward a New Paradigm / Journal of Democracy*. № 46. 1999. p. 107.

Как известно, после принятия Варшавской декларации была создана Учредительная группа из представителей США, Чили, Польши, Чехии, Мали, Мексики, Португалии, Индии, Южной Африки и Кореи для формирования «Сообщества демократий». Позже, в Южной Корее (2003 г.) и Чили (2005 г.) был принят План действий по поддержке принципов, изложенных в Варшавской декларации, в т. ч., регионального сотрудничества (например, в области образования и др.), как средства защиты и продвижения демократии, а также необходимости реагировать на угрозы для демократических стран.

Публичная политика и административные институты

Указанная тематика обсуждалась в работе исследовательских комитетов «Публичная политика и администрация»; «Публичная демократия в развивающихся странах»; «Административная культура»; «Сравнительные исследования местного самоуправления и политики» и др. В них обращалось внимание на современные аспекты функциони-

рования государственной службы, попытки ее переориентации на нужды граждан, «открытость» администрации, установление сотрудничества административного аппарата и политиков, процессы децентрализации управления, делегирование функций и ответственности сверху вниз, возрастание роли местного самоуправления.

На тематической сессии Конгресса «Оценка реформ публичного сектора. Трансакционные издержки как игнорируемое измерение» были представлены доклады о реформах разного уровня в различных государствах. Японские исследователи М.Хори, О.Койке и Х.Хабашима проанализировали правительственную реформу 2001 г. в своей стране, обратив внимание на критерии оценки этой реформы. В сообщении финских исследователей П.Валкама и А.-В.Аттройка рассматривался ход и результаты реформы системы автобусного обслуживания в районе Большого Хельсинки, осуществленной в рамках концепции Нового публичного менеджмента. Ими была показана важная роль обратной связи и наличия актуальной информации по вопросам обслуживания населения. В развернутом докладе председателя сессии Дж.Кайдена (США) «Оценивая институциональные реформы» был дан сравнительный анализ двух видов реформ в различных странах в конце XX в. Первый из них – это процесс перехода к демократическим режимам; второй – различные правительственные программы, в т. ч. и по предотвращению коррупции. Доклад показал, что реформы становятся успешными, когда оптимизируется не только правительственный аппарат, а изменяется ряд государственных и негосударственных институтов. В целом этот процесс можно обозначить как переход от government к governance, или иными словами – от правления только правительства к соучастию в управлении различных общественных структур и организаций, установлению общих, в том числе обратных взаимосвязей.

В сообщении Л.Пала (Канада) «Экспорт моделей политик. Роль международных агентств» на примере распространения и внедрения в мировом масштабе концепции и практик нового менеджмента ставится вопрос о роли таких структур как Всемирный банк, МВФ и др. Автор показал, что распространение совместимых подходов к организации правительственного менеджмента является важным элементом и позитивным условием процесса глобализации. Вместе с тем, он обращает внимание на необходимость глубокого изучения этого явления и использования общих подходов как правительственными, так и неправительственными международными организациями. Х.Колемач (Австралия) в докладе «Как создается политика?» показал сильные и слабые стороны повсеместного распространения и внедрения моделей публичного менеджмента, разработанных в США и не всегда эффективных в других странах, в частности, в Австралии. Он считает важным изучение опыта подготовки и принятия решений в эффективном публичном менеджменте в различных государствах. В докладе Р.Питчаса (ФРГ) «Бюрократия в глобализирующемся мире. Продвижение демократических ценностей в сфере публичных услуг» показано значения таких

принципов-правил для Нового менеджмента, как отчетность перед населением и привлечение структур гражданского общества и бизнеса в процесс принятия решений. Автор также рассмотрел противоречие между необходимостью быстрого решения проблем и ориентацией на результат, с неизбежностью длительной процедурой вовлечения заинтересованных акторов в процесс подготовки и принятия решений. Профессор Р.Д.Шарма (Индия) предложил программу сравнительного исследования административной культуры. Ее изучение могло бы помочь понять, как, каким образом, в какой именно поведенческой форме и при какой системе ценностей сотрудники исполнительной власти и связанные с ними акторы вовлекаются в процесс подготовки, принятия и реализации решений. В обсуждении теоретических и организационных проблем комитета приняли активное участие российские исследователи: Л.В.Сморгунов (СПбГУ), А.Ю.Сунгуров (СПб-Стратегия) А.В.Дахин (Н.Новгород).

«Японские сессии» и японские политологи

Одной из разновидностей и инноваций конгресса явилась организация 25 «японских сессий», особенностью которых явилось то, что все они прошли под руководством политологов из Японии (К.Икеды, Тиногоучи, И.Кабашими, Т.Коно, М.Кобаяси, Ч.Такенака и др.), но при примерно равном представительстве как западных исследователей (Ж.Блондель, И.Шимейль, Б.Родни и др.), так и японских (Т.Масаки, М.Казуфуми, Я.Саотоко и др.). Было заслушано более 30 докладов. Эта, новая форма сессий конгрессов, дала богатый материал для компаративистских обобщений. В первый день конгресса состоялась также приуроченная к нему традиционная ежегодная конференция Японской ассоциации политической науки.

В «японских сессиях» и на форуме ЯАПН теоретические проблемы демократии рассматривались в связи с национальными и региональными проблемами. Во главу угла ставились вопросы анализа развития Японии и ее особенностей, международного и регионального сотрудничества. В докладах ряда японских политологов обращалось внимание на то, что демократия не только не «исчезает», как это иногда провозглашают отдельные теоретики, но ее идеи и принципы все больше распространяются по всему миру. Никогда ранее в истории человечества демократия не практиковалась столь широко. Проблема в ином, ряд исследователей и политиков уделяет недостаточное внимание ее социальным основам и аспектам. Так, Т.Моррис-Сузуки отмечала, что именно недооценка роли социальных институтов, классов, групп, ассоциаций, местных и локальных организаций, в т. ч. женских, а также социальной идентичности, которые связывают индивидов и государство, лежит в основе так называемого «кризиса демократии». По ее мнению, новые формы социальных связей (при сохранении традиционных отношений), как внутри, так и вне границ национальных государств, помогут улучшить взаимодействие между индивидами и государствами в XXI в.

Японские политологи (Т.Шинкава, Дж.Сайто и др.) в своих докладах ставили проблему прав человека. Они рассматривали ее в парадигме взаимосвязи гражданских, политических и социальных прав, а также гражданства, выступая против ограничения гражданских прав и политических свобод, интервенции в стили жизни. Принципиально важным для докладчиков является также защита гражданского общества от внешних влияний и рисков.

Составной частью дискуссий о демократии в постиндустриальных странах Запада и Японии, в частности, являлся вопрос о влиянии новой политической культуры (впервые исследован в 80-е гг. Р.Инглхартом, Р.Далтоном). В этой связи научный интерес представлял хорошо фундированный доклад М.Накатани (Мэйджигакуин ун-т) «Новая политическая культура в Японии». Автор выделяет в современной Японии четыре вида политической культуры. Среди них: консервативную (до 26% граждан), клиентелистскую (18%), либеральную (28%) и новую политическую культуру – 28%. Для последней характерны элементы постмодернизма, индивидуализм, независимость, отказ от клиентелизма по отношению к партиям или государству, предпочтение прямых действий по всем политическим вопросам, включая участие в дискуссиях местного самоуправления связанных с их интересами, часто негативное отношение к голосованию. К числу носителей новой политической культуры относятся люди преимущественно молодого возраста, с высоким уровнем образования, творческие и состоятельные работники современных производств. В ней отражено изменение менталитета японцев в крупных городах, особенно среди молодежи.. Ценность группы, безусловно, сохраняет значение, но все заметнее проявляется и индивидуализм. Многие молодые люди сегодня предпочитают не связывать себя сразу на всю жизнь, а попытаться реализовать себя в разных сферах, меняя места работы. Эта, обычно состоятельная прослойка, воспринимающая постмодернистские подходы к управлению и жизни, пока не велика и со временем, возможно, инкорпорируется в традиционную управленческую систему⁴. В докладе приводились сведения о характеристиках и количестве представителей новой политической культуры.⁵

Роль новых местных сетевых партий (МСП) в развитии демократии в Японии была рассмотрена в докладе Ю.Канамуры. В нем показано, что МСП возникают на уровне префектур и на муниципальных уровнях (например, «Токийская гражданская сетевая партия» – одного из районов столицы, «Гражданская сетевая партия Чибо» – префектура Чибо и др.). Эти сетевые партии выступают за решение широкого круга экологических проблем, радиоактивную безопасность, выдвигают и поддерживают кандидатов в органы местного (префектурного) самоуправления. Сетевые партии достаточно автономны, не имеют вертикальных структур, в случае избрания в местные или префектурные органы управления, их члены выплачивают определенную сумму в партийный фонд. Обычно они не могут находиться на избираемых должностях более 4 лет. Значительную часть электората МСП представляют женщины.

⁴ Противоречивость этих процессов показана в романах Харуки и Рю Мураками.

⁵ Nakatani M. *New Political Culture in Japan. Presented at the XXth World Congress of IPSA. Fukuoka, Japan, 2006. Japanese sessions (JS.383).*

На выборах члены таких партий получают в некоторых префектурах от 5 до 25% голосов, в целом являясь, по мнению автора доклада, фактором совершенствования представительной демократии.

В секции ЯАПН «Создает ли демократия мир в международных отношениях?» ряд выступавших показали, что увеличение количества демократических государств создает более благоприятные условия для упрочения мира. В сообщениях Я.Акаши, К.Фудживара, К.Курусг, К.Мори отмечалось, что в прошлом, когда Азия была остро «разделена» идеологиями и национализмом, то и отношения между государствами складывались очень напряженно. В современных условиях многое изменилось. Авторы отметили пример Восточного и Юго-Восточного регионов Азии, где с 1980-х гг. наблюдается значительный прогресс в демократизации. Политическая стабилизация и рыночные отношения в КНР (также с 1980-х гг.) также являются фактором стабильности в регионе. В то же время, говорилось, что демократия сама по себе не приводит к созданию международного мира. Существует много примеров трансформаций демократии в популизм или в тиранию большинства. Хотя война между либеральными демократиями маловероятна, все же во многом она зависит от соответствующей позиции гражданского общества в этих нациях и воли большинства их граждан выступить против агрессивного национализма.

Вопросы «электронной демократии» и управления

Указанная проблематика рассматривалась на заседаниях главной тематической сессии. Два из них были проведены под председательством члена Исполкома и руководителя официального портала МАПН М.Кализе (Ун-т Неаполя). Кроме него, в них выступили 3 итальянских политолога: Ф.Музелла (Ун-т Флоренции), К.Де Роза (Ун-т Неаполя), Ф.Аморетти (Ун-т Салерно) и представитель Американской ассоциации политической науки М.Бринтнал. По вопросам электронного голосования был проведен круглый стол, под руководством Дж.Хейне; на котором с анализом этих проблем в своих странах выступили: Дж.Бьоркман (Лейденский ун-т), С.Шастри (Центр развивающихся обществ, Индия), Р.Энгстром (Ун-т Нового Орлеана), М.Фигуеридо (Ун-т Рио-де-Жанейро). Состоялись совместно три специальные сессии, объединенных общей проблематикой: «Информационно-компьютерные технологии (ИКТ) и политические коммуникации», «Теории электронной демократии и управления», «ИКТ и гражданское общество: «Потенциальные возможности и пределы для E-Democracy».

В докладе М.Кализе «О расширении доступности виртуальных библиотек» рассматривались соответствующие проекты в Западных странах и возможности портала самой Международной ассоциации политической науки. Он обратил внимание на разработанную и используемую в ряде стран интернет-программу «Гиперполитика», которая применяется для многоязычного анализа ключевых понятий политологии по результатам сканирования десяти словарей политической

науки. Специальный отбор 4 тыс. обзоров-текстов дает возможность конструирования логических моделей для системной обработки ключевых слов-понятий. М.Кализе также подробно рассказал о создании портала МАПН (www.ipsaportal.net), включающего 230 вебсайтов для политической науки. Эта информация отражена в опубликованной под его редакцией справочнике, который был вручен каждому участнику конгресса. В нем описаны правила доступа и адреса всех крупнейших библиотек, изданий и энциклопедий политологической литературы, соответствующих фондов, проектов и лабораторий, факультетов и центров, политической науки, специализированных сайтов (например, «Страница электронного голосования»), «электронных правительств» и др.⁶

⁶ См.: *IPSAportal. Top 300 web sites for Political Science.* Ed. M. Kalise. Montreal, Canada, 2006.

В докладе Ф.Музеллы «Электронная демократия: подходы, индикаторы и прикладные аспекты» рассматривалась роль ИКТ в развитии демократических процессов и управления. Эта проблема имеет два измерения. Первое – это воздействие Интернета на организационные структуры и их изменения в сторону транспарентности, улучшения коммуникативных связей с гражданами (в том числе обратных), между частным и публичным секторами, повышения эффективности и экономии средств. Современное понимание публичной администрации, нового менеджмента обязательно предполагает высокий уровень их «дигитализации», рационального использования ИКТ. «Транспарентность посредством интернета выступает сегодня флагом новой идеологии, подтверждающей гражданские права по контролю над административным процессом». Соответственно, в концепции e-government выделяются три стадии: 1) создания базы электронной информации, 2) обратной связи (например, выдвижение e-petition в парламент и ожидание реакции на них и последующие действия), 3) транзакций. Второе измерение e-democracy – это внимание к идее участия в принятии общественно важных решений. ИКТ позволяют гражданам участвовать в дискуссиях, акциях, влияющих на принятие и осуществление определенных государственных решений, причем, особенно успешно – на локальном уровне. По мнению Ф.Музеллы, Американская и Европейская модели и доминирующие теории ИКТ несколько отличаются. В Европе в целом больший акцент делается на роль ИКТ в административном реформировании и сервисе для граждан, рассматриваемых как покупателей. В США же, помимо совершенствования административной деятельности, большее внимание уделяется влиянию ИКТ на политическое участие, сознание, улучшение функционирования политической системы в целом.

В качестве примера использования ИКТ можно привести доклад Я.Смейрека «ИКТ и гражданское участие в политических процессах на местном уровне». В нем рассматривались позитивные возможности интернет-технологий, как по информированию жителей Чехии о деятельности местной власти, так и их участия в процессе подготовки и принятии решений, в частности, посредством создания интерактивных веб-сайтов при мэриях. В целом докладчики показали, что в различных

странах уровень и эффективность использования ИКТ отличаются, как в силу развития интернет-технологий, так и уровня и ценностей интернет-культуры. Развитое e-government пока действует не более, чем в 8–10 странах (США, Сингапур, Финляндия, Республика Корея и др.). Лучшие обстоят дела при использовании ИКТ на местном уровне. В национальных масштабах, они дают серьезный эффект пока лишь при их целенаправленном использовании в конкретных кампаниях, выборах и с учетом значительной роли молодежи среди компьютерных пользователей. Учет этого фактора, в частности, явился важным для победы Президента Республики Корея в 2002 г. В докладе японского политолога К.Икеда, в частности, показано, что мобильный Интернет широко распространен среди молодого поколения (начиная с тинэйджеров), а стационарные компьютеры – среди лиц с высоким уровнем образования. Эти особенности в использовании различных интернет-технологий отражаются и в специфике политической культуры, ориентаций и участия их пользователей⁷. Опора на молодежь может вести к широкому использованию интернет-популизма (в т. ч. и национализма) в соответствующей упаковке и разработке решений, ориентированных на эти социальные группы или их фракции. С другой стороны, использование ИКТ в регионах, может предполагать акцентировку на преимущественные местные интересы (экология, здравоохранение, льготы и др.) и разные группы населения (женщины, домовладельцы и др.). Проблемы использования ИКТ обсуждались и применительно к мировой политике. В целом ИКТ становятся неотъемлемой частью любых «продвинутых» политических процессов и их участников.

⁷ Ikeda K. Does Internet Use Lead to Political Participation without Bias and Digital Divide? The Case of Japan. Paper presented at the XXth World Congress of IPSA. Fukuoka, Japan., 2006.

Взаимодействие российских политологов с МАПН

На XXI конгрессе делегация россиян составила более 20 участников, представлявших: ИНИОН РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Институт государства и права РАН, Российскую академию госслужбы при Президенте РФ, МГИМО-Университет, Московский университет, СПбГУ, СПбПедУ, Центр «Стратегия» (СПб), Ростовский, Н.-Новгородский, Казанский, Брянский и Пермский университеты. В программе конгресса было заявлено до 30 докладов российских политологов.

Российские участники выступали с докладами в соответствующих секциях. Следует отметить сообщения проф. А.В.Никитина, проф. М.В.Ильина и исследователя М.Г.Миرونюка, представивших коллективный проект группы ученых-политологов из МГИМО – «Политический атлас современности». (Науч. рук. проекта А.Ю.Мельвиль, участники: Т.А.Алексеева, А.В.Никитин, М.В.Ильин В.М.Сергеев, И.Н.Тимофеев, Ю.А.Полунин и др.). Проект рассматривался в рамках одной из шести главных тематических сессий – ему был посвящен круглый стол «Новый политический атлас мира». Авторы проекта представили интегрированную матрицу описания и сравнения политических систем и режимов современного мира, включающую свыше 150 параметров. Ими были описаны многомерные индексы национального и мирового развития

(государственности; национальных угроз; внешнего влияния и включенности в мировые процессы; институциональной демократии; качества жизни; динамизма). В целом проект вызвал значительный интерес, инициировал продолжительную дискуссию, содействовал росту авторитета исследователей, хотя и не все участники обсуждения согласились с оценками «уровня демократизации» их стран.

На период 2006–2009 гг. членом Исполкома МАПН была избрана зам. директора ИНИОН РАН. Т.Г.Пархалина; доцент МГУ С.Н.Пшизова является членом редколлегии журнала «International Political Science Review».

* * *

На взгляд автора и участника, на трех последних всемирных конгрессах политологов, при рассмотрении современной демократии и глобальных проблем, проявились различающиеся подходы и тенденции. Так, на XVIII конгрессе, проходившем в весьма благополучном (с экономической точки зрения) Квебеке, где доминировали северо-американские политологи, акцент в основном делался на позитивных аспектах глобализации, а западная модель рассматривалась как образцовая. На Дурбанском конгрессе (2003 г.), состоявшемся при большом участии африканских политологов, после событий 11 сентября 2001 г. и обострения последствий глобализационных процессов, проблемы демократизации мировой политики по «западным образцам» подверглись резкой критике. Западная модель демократии также подвергалась критическому анализу. В Фукуоке господствующей тенденцией при обсуждении мировой политики была модель многополюсного мира. Современная демократия рассматривалась, прежде всего, с точки зрения ее эффективности, социальной справедливости, как длительный историко-цивилизационный процесс, который имеет значительные особенности в различных странах. Ряд «новых демократий Восточной Азии», эффективно используя собственную систему культурных ценностей и традиций, специфические особенности руководства обществом в период начального перехода к постиндустриализму, совершенствуя местное самоуправление добились неплохих результатов в социально-экономическом развитии. Им удалось создать эффективные, конкурентоспособные государства, которые находятся в ответственном диалоге и согласии с обществом. Причем быстрое и эффективное развитие объективно требует формирования соответствующих рациональных политико-правовых ценностей в экономической, политической и социальной жизни; ту или иную форму и темпы демократизации общества. Ширящееся использование ИКП в тенденции также содействует процессам демократизации, прежде всего на местном уровне.

Многие авторы, в качестве теоретического концепта, широко использовали теоретический потенциал сравнительной политологии о существовании двух основных либеральных разновидностях демократии:

протективной (protective) (или легальной) и развивающейся (developmental). Первая, представленная работами Дж.Локка, Ш.-Л.Монтескье, Дж.Миллем, Р.Нозика, Ф.Хайека и др., акцентирует внимание на приоритете гражданского общества над государством, минимальной роли последнего, защите и приоритете прав и свобод собственника. Вторая, базирующаяся на трудах Дж.Стюарта Милля, Дж.Дьюи, А. де Токвиля, Л.Т.Хобхауза, Р.Даля и др., особое внимание уделяет расширению демократических прав и свобод, новым демократическим движениям, местному самоуправлению, расширению социальной ответственности государства, новому менеджменту и др. В рамках второй разновидности демократии рассматриваются различные ее модификации и подходы: социально-направленная демократия, плюралистическая, партиципаторная, общественная, прямая и др. Интересной была постановка в ряде докладов вопроса о «новых демократиях Восточной Азии» (от Японии до Сингапура, Тайваня, Республики Корея и др.). Их отличительные черты: 1) более низкий уровень дохода на душу населения, чем в странах «классической демократии»; 2) сильное наследие (влияние) идей и стилей авторитаризма, традиционализма, корпоративизма; 3) существенное значение «азиатских ценностей» при сравнительно слабом распространении ряда либеральных принципов. В соответствии с восточным стилем мышления («главное – то, что не высказано») на Конгрессе не ставился вопрос об особой азиатской модели демократии, но количество докладов, в которых рассматривались проблемы развития восточно-азиатских обществ, именно как ново-демократических, было значительным. В целом речь шла о дальнейшем расширении ареала демократии в Азии и Латинской Америке, с их соответствующими особенностями.

XX Всемирный конгресс МАПН показал позитивную роль «глобального» сотрудничества политологов, их вклад в осмысление современных противоречивых процессов политического развития и демократизации; подтвердил необходимость дальнейшего развития разнообразных форм участия российских политологов в МАПН, как признанной мировым сообществом авторитетной организации. Следующий, XXI Всемирный конгресс политологов состоится в 2009 г., в Сантьяго (Чили). Особое внимание будет уделено проблемам демократизации Латинско-американского сообщества.



ПОЛИТЯ

Центр политических технологий – независимый общественный фонд, являющийся ровесником постсоветской России. В начале 90-х годов возникло много схожих структур, большинство из которых не выдержали испытание временем, канув в лету. ЦПТ же не просто это испытание выдержал, а превратился в авторитетный и «узнаваемый» интеллектуальный центр.

ЦПТ – давний партнер Российского общественно-политического центра, равно как и издаваемого РОПЦ журнала. Аналитики ЦПТ входят в круг постоянных авторов «Политии».

Своего рода традицией стало отмечать на страницах журнала юбилеи Центра политических технологий. К его пятилетию в одном из самых первых номеров нашего журнала была опубликована подборка статей, к десятилетию – вышел специальный дополнительный номер (№ 5 за 2001 г.) «Политии».